

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА КЛАССИКОВ

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Д И С П У Т

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ САТИРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Генрих Гейне как безбожник. Вступительная статья. Ал. Дейча	3
Диспут	15
Вознесение	31
Песнь песней	35
Приснилось мне, что я сам бог	37
Адам первый	40

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ КАК БЕЗБОЖНИК

Генриха Гейне, знаменитого немецкого поэта, жившего в первую половину XIX столетия, принято обычно причислять к романтикам. Это верно только отчасти. Он пользовался всем арсеналом немецкой романтики: старинными легендами, мечтами и шаблонами старонемецкой сказочности, но это лишь поэтический покров, под которым скрывалась реалистическая и подчас достаточно суровая истина.

Генрих Гейне сам называл себя «романтиком-расстригой», и это правильно в том отношении, что он, шедший по пути романтизма, сам же приуготовил ему могилу.

Немецкая романтика — явление реакционное. Мечтательный идеализм германских романтиков часто ударяется в мистику, в католицизм, в поиски потустороннего. К началу XIX века в Германии царил суровый самодержавный строй, и немецкая интеллигенция томилась в тисках реакции, мучилась от затхлости быта и, стоя на известной культурной высоте, политически была еще слаба. Берлин был оплотом прусской реакции, ханжества и религиозного лицемерия. Вся Германия была раздроблена на множество мелких государств, и каждый из мелких властителей царствовал по-своему, стараясь подражать французским монархам, заводя у себя дворы наподобие Версальского.

Германская интеллигенция пыталась уйти от затхлой действительности в мир мечтаний, в сферу искусства, поэзии, музыки, живописи. В эту серую эпоху нашествие Наполеона произвело известный сдвиг, и оккупация многих германских областей его армией принесла ряд неслыханных в то время свобод для отдельных слоев населения. В частности, евреи стали пользоваться тем гражданским равенством, которое дарил Наполеон покоренным государствам. Кодекс Наполеона уничтожал крепостное право, отменял многие сословные перегородки, реформировал судопроизводство и объявлял евреев равноправными гражданами.

Генрих Гейне родился в Дюссельдорфе (Рейнская область) в 1797 году; рос он во время французской оккупации города и рано сделался ярым приверженцем Наполеона и его военной славы. Его отец был евреем-куицом, коммерсантом, не особенно впрочем удачливым. В доме выполнялись еврейские религиозные обряды, но ни отец, ни мать будущего поэта не проявляли особенной приверженности к религии и просто по традиции справляли эти обряды, как подобало добрым обывателям, для того, чтобы не отличаться от других благонамеренных граждан. В мемуарах поэта есть одно замечательное место, прекрасно характеризующее отношение к религии его отца, легкомысленного и не склонного к мудрствованиям человека. Молодого Гейне обвинили в отрицании бога. По этому поводу отец произнес целую проповедь, в которой сказал: «Я не люблю философии, потому что это — сплошное суеверие, а я купец, и мне нужна голова для ведения моих дел. Будь философом сколько хочешь, но пожалуйста не выска-

зывать своих мыслей публично, потому что ты испортишь мои дела, если покупатели узнают, что у меня есть сын, который не верит в бога; особенно евреи перестали бы покупать у меня бархат, а они честные люди и платят аккуратно, а также имеют все основания придерживаться своей религии».

Так рано у Генриха Гейне стало складываться скептическое отношение к окружающей его действительности и к религии в том числе. Он учился в иезуитской школе и знакомился с философией под руководством ректора Шалмейера. Схоластическая премудрость, которой набивали голову впечатлительного ребенка: истории королей, никому не нужные хронологические даты, мифология — сравнительно легко им усваивались. Родители хотели сделать из него купца, но торговые дела меньше всего интересовали Гейне. После нескольких неудачных попыток, сделанных дядей Генриха Гейне Соломоном, крупным гамбургским банкиром, приобщить Генриха к коммерческим спекуляциям, его отправляют учиться в университет, для того чтобы из него вышел юрист. Литература и поэзия увлекают Гейне больше, чем юриспруденция. С грехом пополам он кончает провинциальный университет. Повидимому его тяготит то обстоятельство, что он должен находиться в материальной зависимости от своего дяди, с которым он не особенно ладил. Соломон Гейне, наживший огромные деньги благодаря личной ловкости и энергии, считал, что «если человек умеет честно зарабатывать деньги, ему не нужно писать книги». Гейне решил стать на самостоятельный путь, и для того, чтобы его еврейское происхождение не мешало его карьере, он в июне 1825 года при-

нял лютеранство. Мы встречаем немало нападок на Гейне за этот поступок. Как позволил себе это поэт, который в юношеской трагедии «Альманзор» яростно нападал на евреев, изменявших вере отцов из-за личных выгод? Но для Гейне, по его словам, «метрическое свидетельство о крещении представляло собой билет для входа в европейскую культуру». Франц Меринг в своей биографии Гейне правильно замечает, что Гейне был всегда далек от религиозной жизни синагогального еврейства; если он был борцом за права еврейства, то только потому, что его возмущало то угнетенное положение, в котором находились евреи в современной ему Германии.

И до крещения и после Гейне остается совершенно равнодушным к христианству и к иудейству. В его произведениях и записных книжках разбросаны едкие выпады против религии.

«В Германии христианство понесло урон и в теории и на практике вместе с развитием промышленности и ростом благосостояния», пишет Генрих Гейне, добираясь до классовых корней религии. И дальше: «В темные времена народы лучше всего руководствовались религиями, подобно тому, как глубокой ночью слепой может считаться нашим лучшим провожатым. Он лучше знает пути и перепутья, чем зрячий. Но это глупо, когда наступает день, все еще пользоваться помощью старого слепца».

Гейне постоянно тревожится положением еврейства, замкнутого в тесные рамки морального и фактического гетто; он негодует по поводу бесправия евреев и вместе с тем он возмущен их фанатизмом, склонностью к торгашеству и той пламенной ненавистью к христиа-

нам, которая исторически сложилась вследствие вековых притеснений. «Евреи, если они хорошие, — они лучше христиан; если евреи плохие, — они хуже их».

Во время пребывания в Берлине, еще до крещения, Гейне принимает участие в образовавшемся там «Обществе культуры и науки еврейства». Это общество ставило целью посредничество «между историческим иудейством и новейшей наукой». Это не было узконационалистическое общество, и члены его преследовали туманную, но не лишённую смысла цель содействовать слиянию еврейской и христианской культур.

Впрочем, пребывание в Берлине было кратковременным, и с отъездом Гейне из прусской столицы прекратилось и его участие в этом обществе, хотя он сохранил дружбу и связь с членами его.

По мере роста творчества Гейне все больше отходит от национальных еврейских тем. Вопросы религии интересуют его уже с общефилософской точки зрения. Проблема существования бога и бессмертия души неоднократно занимает его. Но он старается отмахнуться от «проклятых вопросов», обойти их путем шутки или иронии. Это делается не потому, что в его душе живут какие-то сомнения, — нет, он просто, будучи большую часть своей жизни законченным и последовательным атеистом, вообще колебался между двумя мирами, и издевательство над своими чувствами и мыслями было обычным для всего его творчества.

Действительно, как мы уже говорили, под покровом романтической фантазии Гейне жила реальная жажда земных чувств, земных благ, земной любви. Отщепенец торгашеской и бур

жуазной среды, в которой он вырос, враг феодально-монархической и кастово-аристократической Германии, Гейне склонялся к социализму, но социализм в его понимании был только средством достижения жизни, полной наслаждений и чисто материальных благ. Пожалуй, и социализм никогда не был подлинной верой Гейне, хотя он и писал, что «сен-симонизм явится новой религией». Атеизм Гейне, его неверие, было окрашено сильным пантеизмом, обожествлением всего земного. В стихотворении «Аллилуйя» и во многих других Гейне последовательно проводит свою точку зрения, указывая, что бог во всем: в природе, во тьме, в свете и в наших объятиях, и в поцелуях, и в сытной еде.

Гейне был эстетом, эпикурейцем, ему был ненавистен всякий аскетизм, всякое самоотречение от житейских благ. Он ненавидел филистеров, тупых самодовольных мещан, и он ждал спасительного огня революции для того, чтобы все это уничтожить, стереть с лица земли. Жажда борьбы жила в нем. «Я — меч, я — пламя», писал он о себе, но вместе с тем Гейне со свойственным ему разладом боялся социализма, который придет, острижет всех, как ему казалось, под один ранжир, уничтожит культуру и высшие духовные ценности. Гейне не понимал сущности коммунистического учения, боялся его якобы нивелирующего действия и колебался между ненавистью к старому миру и боязнью перед новым, который может лишить его эпикурейской роскоши и комфорта.

Гейне написал сочинение «К истории религии и философии в Германии», и здесь он высказывает много ценных и верных с нашей точки зрения мыслей. Он вскрывает классовые корни

католицизма и протестантства, он здесь приходит к убеждению, что проповедь Лютера имела успех не потому, что она крепче и вернее утверждает факт существования бога, а по причинам чисто политическим: «Порабощенные крестьяне нашли в новом учении духовное оружие, с помощью которого они могли вести войну против аристократии. Уже полтора века до этого назревала подобная война... Таким образом, виттенбергский монах явился не только языком, но и мечом своего времени».

Уже во второй половине своей жизни Гейне встретился с Карлом Марксом. Он глубоко ценил великого революционера, упивался его произведениями, и хотя Маркс был гораздо моложе, чем Гейне в момент их встречи, все же он оказал большое влияние на дальнейшее творчество поэта. Лучшие социальные стихи Гейне проникнуты материалистической доктриной, разумеется, все же шаткой в своих основаниях, непродуманной до конца.

В шедевре Гейне, в его поэме «Германия», рассказывается о песне, которую пела бедная нищенка на немецкой границе. Она пела о загробном мире, где дух человеческий купается в вечном блаженстве, где исчезает страдание. Но Гейне решительно восстает против такого убаюкивания народа, как ребенка:

Я знаю мелодию, знаю я текст,
И авторов этих породу,
Они — тайком лакают вино,
Советуя пить только воду.

Поповским рассказням о райском блаженстве и о наградах на том свете за тяжелую жизнь на этом Гейне противопоставляет песню ре-

волюционной демократии, которая стремится создать «небесное царство» на земле.

Вам новую песнь я, друзья, пропою,
И песнь эта лучшего склада:
Устроить небесное царство себе
Нам здесь, на земле, уже надо.
У щедрой кормилицы нашей — земли —
Для всех нас довольно и хлеба,
И миртов зеленых, и роз, и любви, —
К чему торопиться на небо?

И эти же идеи Гейне неоднократно выражает и в прозе: «Мы не хотим быть санкюлотами; мы создадим демократию равноправных, одинаково святых богов. Вы требуете простых одежд, простых нравов и скромных овощей; мы, наоборот, хотим для всех нектара и амброзии, пурпурных мантий, драгоценных ароматов, роскоши и комфорта, веселого танца нимф, музыки и театра».

Но вслед за этим Гейне опять переходил к колебаниям, считал, что коммунизм и социализм — только красивая химера. Для него, восторженно любившего жизнь, было непонятно, как революционеры томятся в кандалах и тюрьмах, как они могут жертвовать собой ради ободренных нищих. Он в ужасе отшатнулся от Вейтлинга, когда последний рассказал ему, каким лишениям он подвергался в темнице. Через ряд десятилетий другой эпикуреец, англичанин Оскар Уайльд, сказал приблизительно то, что мог бы сказать в свое время Генрих Гейне: «Если бы у всех бедняков были красивые профили, легко было бы осуществить социализм».

В своем творчестве и в жизни Гейне предстает перед нами как безбожник и неутомимый борец против клерикализма. С беспощадной

иронией, которую недаром сравнивают с вольтеровской, он издевается в своих стихах и в прозе над жадными и корыстолюбивыми церковниками, над мистическим дурманом, который они напускают на верующих для того, чтобы одурманить их. В поэме «Диспут» Гейне сталкивает лицом к лицу капуцина и раввина, представителей двух враждебных религий. Он высмеивает схоластические увертки монаха и талмудические ухищрения раввина, он показывает в процессе жаркого духовного турнира, что «монах и капуцин одинаково воняют». Он отлично знает и всячески подчеркивает, что попы всех религий любят хорошо поесть и попить больше, чем своего бога. Герой его неоконченного романа «Бахарахский раввин», дон Исаак Абарбанель, любил еврейскую кухню больше, чем еврейскую веру. Он смакует вкус карпов с острым соусом, тушеное мясо под луком и шалет, «кошерную амброзию истинного бога».

Последние годы своей жизни, как известно, Гейне провел в «могиле из матраца». Тяжелая болезнь спинного мозга, вызывавшая острые боли во всем теле, обрекала Гейне почти на неподвижное лежание в полутемной комнате. Тут со всех сторон являются его друзья и стараются вернуть к богу этого изможденного, истерзанного страданиями человека. Ему все чаще приходилось прибегать к успокаивающему действию морфия, а однажды он испытал на себе чары опиума, и после этого сказал своей приятельнице Фанни Левальд знаменитую фразу: «Между опиумом и религией больше родства, чем это кажется даже лучшим умам».

В таких тяжелых страданиях он как будто обращается к опиуму религии, как к утешению.

С глубокой иронией разоблачает Гейне перед Альфредом Мейснером смысл этого «обращения»: «Там, где кончается здоровье, там, где кончаются деньги, там, где смолкает здравый человеческий смысл, — там начинается христианство». Говоря об обращении Шеллинга на смертном одре, Гейне сказал: «Перед смертью многие вольнодумцы возвращаются к вере, но это не служит к ее славе. Все эти обращения являются патологическими и доказывают в конце концов невозможность обращения к богу вольнодумцев, пока они владеют своими чувствами и являются хозяевами своего разума...»

При таких обстоятельствах трудно говорить о том, что Гейне действительно стал чувствовать прилив какой бы то ни было религиозности перед смертью. Он попрежнему продолжал считать бога «великим мучителем животных», и если под влиянием острых болей и нажима со стороны окружающих он и начинал иногда думать о боге, то это бывало временами, и о таких моментах Гейне сам говорил с глубочайшей иронией, указывая, что ему как-то удобнее с богом-отцом, чем без него.

Однажды, когда он изнемогал от болей в своей маленькой спальне, в Париже, к нему явились два друга — немецкий профессор Герман Фихте, сын знаменитого философа, и Эдуард Фихте. Разговор зашел о бессмертии души и о существовании бога. С метафизическими ухищрениями Герман Фихте старался доказать, что душа человеческая бессмертна, что она живет до рождения человека и переселяется в другое живое существо после его смерти. Затем разговор перешел на темы о ясновидении, о теософии шведского мистика Сведен-

борга. Беседа с Фихте, по словам философа, произвела большое впечатление на Гейне. Фихте казалось, что он обратил поэта в настоящую веру. Но тут же он приводит слова Гейне, показывающие, как глубоко было в нем безбожие: «Когда человек болен, он нуждается в милосердном боге, когда он здоров, бог ему ненужен».

Как бы там ни было, Фихте приписывает себе честь возвращения Гейне к религии. И действительно, в послесловии к книге «Романцero» (в которую входит поэма «Диспут»), вышедшей осенью 1851 года, Гейне заявляет, что он вернулся к личному богу, но рассказывает об этом также с иронией, посмеиваясь и над потусторонними мечтаниями Сведенборга: «В потустороннем мире Сведенборга бедные гренландцы будут чувствовать себя удобно. Однажды эти гренландцы задали вопрос датским миссионерам, хотевшим их обратить в христианство: имеются ли тюлени на христианском небе? На отрицательный ответ они сказали огорченно: «Значит, христианское небо не подходит для гренландцев, которые не могут существовать без тюленей».

И он оканчивает послесловие к «Романцero» таким заверением: «Утешься, дорогой читатель, загробная жизнь существует, и мы найдем на том свете своих тюленей».

«Обращение к богу» Генриха Гейне на «матрацной могиле» проникнуто старой насмешкой. Свою борьбу со всякой церковностью, свое неверие он пронес через жизнь и отразил полно и ярко в творчестве.

Помещаемые здесь антирелигиозные стихотворения Гейне далеко не исчерпывают всего литературного наследия поэта в этой области,

но дают самое отчетливое представление о его атеистических произведениях. Они, естественно, долгое время были в дореволюционной России под запретом. Царская цензура, находившаяся в контакте со «святейшим синодом», беспощадно пресекала попытки перевести на русский язык «вольнодумные» произведения Гейне в их подлинном виде. Лишь после революции появилось несколько переводов поэмы «Диспут».

А л. Д е я ч

ДИСПУТ

Во дворце толедском трубы
Зазывают всех у входа,
На турнир духовный выются
Ленты пестрые народа.

То не светский поединок,
Где блеснит оружие часто, —
Здесь копьем послужит слово
Заостренное схоласта.

Не сразятся в этой битве
Молодые паладины,
Но сойдутся в поединке
Капуцины и раввины.

Капюшоны и ермолки
Носят лихо забияки,
Вместо рыцарских доспехов —
Власяницы, лапсердаки.

Бог который настоящий —
Бог единый, грозный, старый,
Чей в турнире представитель
Рабби Иуда из Наварры?

Или бог другой, трехликий,
Бог любви, бог христианский,
Чей достойнейший защитник
Фратер Иосиф францисканский?

Мощной цепью доказательств,
Силой многих аргументов,
И цитатами — конечно
Из бесспорных документов —

Хочет каждый из героев
Всех врагов обезоружить,
Доведеньем до абсурда
Сущность бога обнаружить.

Решено, что тот, который
Побежденным будет в споре,
Тот в религию другую
Перейдет себе на горе:

На крещение осудят
Иудея в назиданье,
Иль, напротив, францисканца
Ожидает обрезанье.

Каждый вождь духовный — с свитой,
С ним одиннадцать, готовых
Разделить судьбу в победе
Иль в лишениях суровых.

Убежденные в успехе
Францисканцы в самом деле
Держат тут же наготове
Для своих врагов купели,

Держат мокрые кропила,
Принадлежности с дарами...
Их соперники сверкают
Обрезальными ножами.

Обе партии на месте;
Переполненная зала

Оживленно суетится
В ожидании сигнала.

Под навесом золоченым,
Окруженный пышной славой,
Сам король сидит на троне
С королевой величавой.

Носик вздернут по-французски,
Взгляды хитры и невинны,
И всегда, всегда смеются
Уст волшебные рубины.

Будь же ты хранима богом,
О, цветок благословенный...
Пересажена, бедняжка,
С берегов веселой Сены

Ты сюда, на эту землю,
Где ты сделалась испанкой.
Бланш Бурбон звалась ты дома,
Здесь зовешься донной Бланкой.

Короля же имя — Педро¹,
С прибавлением Жестокий,
Но сегодня, как на счастье,
Спят в душе его пороки.

Он любезен и приятен
В эти редкие моменты,
Даже маврам и евреям
Говорит он комплименты.

Господа без крайней плоти
Все учитывают шансы:
И войсками управляют
И ведут его финансы.

Вот внезапно бьют в литавры,
Трубы громко возвещают,
Что суровый поединок
Два атлета начинают.

Францисканец гнев священный
Здесь обрушивает первый, —
То звучит трубою голос,
То слегка щекочет нервы.

И во имя трех единых:
Духа, и отца, и сына
Проклинает францисканец
«Семя Якова» — раввина.

Ибо часто так бывает,
Что, не мало бед содеяв,
Черти прячутся охотно
В теле подлых иудеев.

Про единого в трех ликах
Он рассказывает много, —
Как три светлых ипостаси
Одного являют бога.

Это тайна, но открыта
Лишь тому она, который
За предел рассудка может
Обращать блаженно взоры.

Говорит он о рожденьи
Вифлеемского дитяти,
Говорит он о Марии
И о девственном зачатьи,

Как потом лежал младенец
В яслях, словно в колыбели,

Как бычок с коровкой тут же
У господних яслей млели.

Как от Иродовой казни
Иисус бежал в Египет,
Как позднее горький кубок
Крестной смерти был им выпит,

Как при Понтии Пилате
Подписали осужденье
Под влияньем фарисеев
И евреев, без сомненья.

Он рассказывал про бога,
Что свой тесный гроб оставил
И на третий день блаженно
Путь свой на небо направил.

Но когда настанет время,
Он на землю возвратится,
И никто, никто из смертных
От суда не уклонится.

«О, дрожите, иудеи!.. —
Говорит монах. — Не вы ли
Бога нашего бичами
Бессердечно погубили?»

Вы убийцы, иудеи,
О, народ — суровый мститель!
Тот, кто вами так замучен,
К нам явился как спаситель.

Ты, народ еврейский — плевел,
И в тебе ютятся бесы,
А твои тела — обитель,
Где свершают черти мессы.

Так сказал Фома Аквинский ²—
Он недаром «бык ученья»,
Как зовут его за то, что
Он лампада просвещенья.

О, евреи, вы — гиены,
Злые волки, крокодилы,
Как шакалы, достаете
Мертвецов вы из могилы.

О, евреи — павианы
И сычи ночного мира,
Вы страшнее носорогов,
Вы подобие вампира.

Вы мышей летучих стаи,
Вы воробы и удода,
Филины и василиски,
Изуверы и уроды.

Вы гадюки и медянки,
Змеи, жабы, крысы, совы, —
Вас за ваши злодеянья
Покарает гнев христовый.

Но быть может вы решите
Обрести спасенье ныне,
И от злобной синагоги
Обратитесь вдруг к святыне.

Где собор любви обильной,
И отеческих объятий,
Где святые в чистых раках
Льют источник благодати;

Там вы головы склоните,
Отрешась от злости старой.

И с сердец сотрите плесень,
Угрожающую карой.

Вы внимлите гласу бога,
Не к себе ль зовет он разве?
На груди Христа забудьте
О своей греховной язве.

Наш Христос — любви обитель,
Он подобие барашка, —
Чтоб грехи простились наши,
На кресте страдал он тяжко.

Наш Христос — любви обитель,
Иисусом он зовется,
И его святая кротость
Часто нам передается.

Потому мы тоже кротки,
Добродушны и спокойны.
По примеру Иисуса
Ненавидим даже войны.

Попадем за то на небо,
Чистых ангелов белее,
Будем там бродить блаженно
И в руках держать лилеи.

Вместо грубой власяницы
Мы надеть на небе рады
Из парчи, муслина, шелка
Разноцветные наряды.

Вместо плечи — будут кудри
Золотые ловко виться,
Девы райские их будут
Заплетать и веселиться.

Там и винные бокалы
В увеличенном объеме,
А не маленькие рюмки,
Что мы видим в каждом доме.

И к тому же так приятны
Там вверху уста малюток —
Милых женщин, что готовы
Для лобзаний и для шуток.

Будем радостно смеяться,
Будем пить вино, целуя,
Проводить так будем вечность,
Славя бога: «Аллилуя!»

Кончил он. И вот монахи,
Все сомнения рассеяв,
Тащут весело купели
Для крещенья иудеев.

Но, боясь воды, евреи
Отскочили недалече.
Рабби Иуда из Наварры
Для ответной вышел речи.

«Чтоб в моей душе бесплодной
Ты взрастил Христову розу,
Бросил ты, как удобренье,
Много брани и навозу.

Каждый следует методе,
Им изученной где-либо . . .
Я бранить тебя не буду,
А скажу тебе спасибо.

«Триединое ученье» —
Это наше вам наследство

Мы ведь правило тройное
Изучаем с малолетства.

Что в едином боге трое,
Только три слились персоны —
Очень скромно, потому что
Их у древних — легионы.

Не знаком я с вашим богом,
Что Христом зовете. Вместе
Также девственную мать
Не имею знать я чести. —

Я жалею, что однажды
Приключилось горе с ними —
Так, веков назад двенадцать
В граде Иерусалиме.

Что евреями убит он,
Доказательство отпало,
И следов от преступленья
Ведь на третий день не стало.

Что родня он с нашим богом —
В этом полон я сомненья,
Потому что мне известно:
Наш — бездетен от рожденья.

Наш не умер жалкой смертью
Угнетенного ягненка,
Он у нас не филантропик,
Не подобие ребенка.

Богу нашему неведом
Путь прощенья и лести,
Ибо он громовый бог,
Грозный бог жестокой мести.

Громы божеского гнева
Поражают неизменно,
За грехи отцов карают
До десятого колена.

Бог наш — это бог живущий,
И притом не быстротечно,
А в широких сводах неба
Проживает он извечно.

Бог наш — бог здоровый также,
А не миф какой-то шаткий,
Словно тени у Коцита ³,
Или тонкие облатки ⁴.

Бог силен. В руках он держит
Солнце, месяц, неба своды,
Только двинет он бровями,
Троны гибнут, мрут народы.

С силой бога не сравнится, —
Как поет Давид, — земное,
Ног его лишь прах ничтожный
Вся земля, не что иное.

Любит музыку наш бог,
Также пением доволен,
Поросенка визг — ему
Слаще звона колоколен.

В море есть Левиафан ⁵, —
Так зовется рыба бога,
Каждый день играет с ней
Наш великий бог немного.

Только в день девятый Аба ⁶,
День разрушенного храма,

Не играет бог наш с рыбой,
А молчит весь день упрямо.

Целых сто локтей длина
Этого Левиафана,
Толще дуба плавники,
Хвост его, что кедр Ливана,

Мясо рыбы деликатно
И нежнее черепахи.
В судный день к столу попросит
Всех господ, кто жил во страхе.

Обращенные, святые,
Также праведные люди
С удовольствием увидят
Рыбу Божию на блюде —

В белом соусе пикантном
И в отваре, полном лука,
Приготовленную пряно,
Ну, совсем как с перцем щука.

В остром соусе, под луком
Редька плавает так зыбко...
Я ручаюсь, братер Иосиф,
Что тебе по вкусу рыбка...

Бог недурно варит, верь,
Я обманывать не стану, —
Крайней плотью поплатись,
Приобщись к Левиафану».

Так раввин приятно, сладко
Говорит, смакуя слово,
И евреи, взыв от счастья,
За ножи схватились снова,

Чтобы с вражескою плотью
Здесь покончить поскорее,
В этом дивном поединке
Это — нужные трофеи.

Но, держась за веру предков,
И за плоть, конечно, тоже,
Не хотят никак монахи
Потерять кусочка кожи.

После рабби францисканец
Вновь завел язык трескучий.
Слово каждое — не слово,
А ночной сосуд пахучий.

Отвечает рабби Иуда,
Еле сдерживая ярость,
Хоть кипит лихое сердце,
Он его смирил, казалось;

Опирается на Мишну⁷,
Комментарии, трактаты,
Также он из Таусфес-Ионтоф⁸
Позаимствовал цитаты.

Но что слышит бедный рабби
От монаха-святотатца?..
Говорит тот: «Таусфес-Ионтоф
Может к чорту убираться!»

«Все вы слышите, о боже!»
И, не выдержавши тона,
Потеряв терпенье, рабби
Воскликает возмущенно:

«Таусфес-Ионтоф не годится, —
Из себя совсем я выйду —

Отомсти ему, о, бог мой,
Покарай же за обиду!

Ибо Таусфес-Ионтоф, бог, —
Это ты... И святотатца
Накажи своей рукою,
Чтобы богом оказаться.

Пусть провалится он в бездну,
Как войска враждебной Коры...
Видишь, снова создаются
Козни злые и раздоры.

Грянь своим ты лучшим громом,
Покарай жреца без веры;
Для Содома и Гоморры
Ты нашел смолы и серы.

Покарай же капуцина, —
Фараона ведь пришиб ты,
Что за нами гнался, мы же
Удирали из Египта.

Ведь стотысячное войско
За царем шло из Мицраим⁹
В латах, с острыми мечами
В ужасающих ядаим¹⁰.

Ты, господь, тогда простер
Длань свою, и войско вскоре
С фараоном утонуло,
Как котята, в Красном море;

Порази же капуцинов,
Покажи им в назиданье,
Что святого гнева громы —
Не пустое грохотанье.

И победную хвалу
Воспою тебе сначала,
Буду я, как Мириам ¹¹,
Танцовать и бить в кимвалы».

А монах вскочил, и лютяся
Вновь проклятий лютых реки:
«Пусть тебя господь погубит,
Осужденного навеки.

Я твоих презренных бесов
Ненавижу злую роту:
Люцифера, Вельзевула,
Белиал и Астароту ¹².

Не боюсь твоих я духов.
Темной стаи оголтелой;
Ведь во мне сам Иисус,
Я его отведал тела.

И вкусней Левиафана
Аромат христовой крови,
А твою подливку с луком,
Верно, дьявол приготовил.

Ах, взамен подобных споров
Я б на углях раскаленных
Закоптил бы и поджарил
Всех евреев прокаженных».

Так идет турнир о боге...
И кипит людская злоба,
И борцы бранятся, воют,
И шипят и стонут оба.

Бесконечный этот диспут
Целый день идет упрямо.

Очень публика устала,
И ужасно преют дамы.

Двор томится в нетерпении,
Кое-кто уже зевает,
И красотку-королеву
Муж тихонько вопрошает:

«Вы скажите ваше мненье
О сцепившихся героях, —
Капуцину иль раввину
Предпочтенье из обоих?»

Донна Бланка смотрит вяло,
Прижимает лобик нежный,
После краткого раздумья
Отвечает безмятежно:

«Я не знаю, кто тут прав —
Пусть другие то решают,
Но раввин и капуцин
Одинаково воняют».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Педро Жестокий — испанский король (1350—1369), в 1353 г. сочетался браком с Бланкой Бурбонско

² Фома Аквинский — знаменитый богослов (1225—1274), пользовавшийся большим авторитетом в средние века. Ярый враг иудейства.

³ Коцит — река подземного царства («река плача» в античной мифологии).

⁴ Облатки — в католической церкви — тонкие кружки из пресного теста, употребляемые при причастии.

⁵ Левиафан — легендарная рыба гигантских размеров, упоминаемая в книге Иова. По религиозному учению евреев в день страшного суда бог накормит пророков этой рыбой.

⁶ Одиннадцатый месяц в году по еврейскому календарю. Соответствует нашему июлю—августу. Разрушение храма — в 70 году нашей эры.

⁷ Мишна — еврейский религиозно-юридический сборник устных законов.

⁸ Таусфес - Ионтоф — сборник добавлений к Мишне, трактующий о еврейских праздниках.

⁹ Мицраим — по-древнееврейски Египет.

¹⁰ Ядаим — по-древнееврейски «в руках».

¹¹ Мираим — сестра Моисея, считавшаяся пророчицей. После чудесного перехода евреев через Красное море плясала во главе триумфального хора и била в кимвалы.

¹² Вельзевул	} бесы и демоны христианской мифологии.
Люцифер	
Белиал	
Астарота	

ВОЗНЕСЕНИЕ

На смертном ложе — только тело,
Душа бедняги отлетела;
Уйдя от жизненного гама,
Она несется к небу прямо.

Стучит в высокие ворота,
И стонет и зовет кого-то:
«Ключарь святой, открой мне дверь,
Я отдохнуть хочу теперь,
Забыв печали и тревоги,
В небесном радостном чертоге,
И ангелов святая рать
Меня здесь будет развлекать!»

И вот ночные туфли старика
Шуршат, ключи звенят слегка,
Затем открылось малое оконце,
И Петр глядит в него, как солнце.

Он говорит: «Бродяги и вояки
Идут сюда, цыгане и поляки,
Дневные воры, готтентоты,
Смотри — их целые тут роты,
И все хотят без разговора
Втереться в ангельские хоры.
Еще бы: райские селенья
Не для такого населенья,
И не для этой бедной швали
Мы здесь чертоги создавали.

Ступай-ка, парень залихватский,
На сковородке жарься адской!»

Старик ворчит, но он не может
Прогнать ее, его тревожит
Смиранный вид души пришедшей.
И он ведет такие речи:
«Ты, кажется, иного сорта,
Ты избежишь, возможно, чорта.
День моего рожденья ныне —
Так я склоняюсь к благостыне.
Откуда ты, любезный, родом,
Женат ли и с какого года?
Бывает часто, что смиренье
Приносит полное прощенье,
К тому же тот, кто был женат,
Уже познал при жизни ад».

Душа ответила ему невинно:
«Пруссак я, родом — из Берлина.
Там Шпрее течет. У речки этой
Охотно мочатся кадеты.
И над рекою мелководной
Стоит Берлин столицей модной.
Я там служил приват-доцентом
И философию студентам
Читал. При этом был женат,
Жена устраивала ад,
Когда нам не хватало хлеба.
И вот скончался, мертв и рвусь на небо».

Старик ключарь сказал: «Ой-ой,
Философ — гость для нас плохой!
Хоть объясняли мне наемни
Философические бредни,
Понять их все же невозможно;
И вообще учение — безбожно.

И жить приходится вам в муке,
А после чорт в свои хватает руки.
Понятно, почему твоя Ксантуппа¹
Скандалила из-за плохого супа,
В нем только жидкая вода,
А жиру нету и следа...
Ну, ничего, милейшее созданье,
Хотя дано мне приказанье:
Кто философскою доктриной
Был увлечен — тех гнать дубиной,
Философов немецких особливо
Лупить колючею крапивой, —
Но нынче, в день рожденья моего,
Я не хочу плохого ничего.
Открою пред тобой небесные врата.
Беги же в рай, не бойся ни черта.
Ну, вот, вошел... Теперь — ура!
С утра ты можешь до утра
По тротуарам пышным рая
Легко фланировать, мечтая,
Но только помни, что философ
Не должен ставить здесь вопросов,
И бойся также, как огня,
Скомпрометировать меня.
Услышишь ангельское пенье —
Так расплывись от умиленья,
Когда ж архангел запоет,
Пускай тебя ударит в пот,
И ты его, от счастья пьян,
Сравни с сопрано Малибран²
И не жалея своих ладоней
Для херувимских и иных симфоний.
А херувимов ты сравни с Рубини,
И с Марио, и с Тамбурини³,
Зовя «превосходительством» при этом;
И не жалея поклонов и приветов.
Певцы, небесные, как и земные, — вместе —

Весьма чувствительны бывают к лести.
И сам старик, наш капельмейстерэ тоже;
Он любит похвалы деснице божьей,
Когда молитв струится дождь
И превозносит бога мощь,
Когда над темнотою толпы
Свои псалмы поют попы.

Не забывай меня. Когда начнет
Тебя давить тоской небесный свод,
Зайди ко мне. На этой вышке
Мы перекинемся в картишки.
Я знаю игры всех сортов —
Сыграем в «пьяниц», в «дурачков»,
И выпьем тоже. Помни между прочим:
Быть может где-нибудь захочет
Тебя спросить случайно бог,
Откуда ты явиться мог, —
Ты про Берлин не бухай откровенно,
Скажи — из Мюнхена, из Вены».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К с а н т и п а — сварливая жена греческого философа Сократа. Ключарь Петр почему-то называет ее Ксантуппа.

² М а л и б р а н — знаменитая певица (1808—1836), пленившая своим сопрано современную Гейне Европу.

³ Р у б и н и — прославленный итальянский тенор (1795—1854). М а р и о — итальянский певец (1808—1883). Т а м б у р и н и — итальянский бас (1800—1876).

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Да, тело женское — стихи,
И их в своем альбоме
Изволил начертать сам бог
В неслыханном подъеме.

Ему порядком повезло:
Исполнен сил и чувства,
Из косной глыбы вещества
Он создал перл искусства.

Да, тело женщины — стихи,
Да, это песня песней,
И члены гибкие его
Прекрасных строф чудесней.

Какой идеей осенен
Высокий стебель шеи,
Венчанный тонкой головой,
Где выются кудри-змеи.

Бутоны розовых грудей
Волнуют эпиграммой,
И разделяют их разрез
Цезурой упрямой.

Пластичность автора видна
И в бедрах тверже стали,
И скобки с фиговым листком —
Нелишние детали.

Нет, не абстрактна эта песнь,
Она от плоти с кровью,
Смеясь целуют губки нас,
Рифмуются с любовью.

Вот здесь поэзии угар,
И счастье, и блаженство.
Венчает песня гордый лоб
Печатью совершенства.

Хвала тебе, поэт небес,
За дивные работы:
Мы все во прахе пред тобой,
Земные рифмоплеты.

Твоей поэмы красоту
Мы изучать охочи,
Внедряюсь в каждую деталь
И я все дни и ночи.

О, да! Я день и ночь стремлюсь
Познать твои творенья;
И сохнут ноги у меня
От этого ученья.

* *
#

Приснилось мне, что я сам бог ¹,
Держащий свод широкий,
И славят ангелы мои
Рифмованные строки.

И объедаюсь я, как бог,
Небесными сладостями,
Ликеры редкостные пью,
Покончивши с долгами.

Но мне тоскливо без земли,
Как будто я за бортом,
Не будь я милосердный бог,
Я сделался бы чортом.

«Эй, ты, архангел Гавриил,
Возьми-ка в руки ноги,
Эугена ², друга моего,
Тащи в мои чертоги.

Его за книгой не ищи,
Направься лучше к даме:
У фрейлен Мейер он сидит
Охотней, чем во храме».

Архангел крылья развернул,
Полет к земле направил,
Схвативши друга моего,
Ко мне его доставил.

«Ну, что ты скажешь про меня,
Что сделался я богом?
Недаром в юности моей
Я так мечтал о многом.

Я чудеса творю, что день,
В капризе прихотливом.
Сегодня сделаю Берлин
Я, например, счастливым.

Пусть лопнут камни мостовой,
И в каждом камне, видно,
Как в раковине, будет жить.
По устрице солидной.

С небес польет лимонный сок.
Как будто над бассейном,
Упитья сможете вы все
Из сточных ям рейнвейном.

Берлинцы — мастера пожрать.
И в счастья непрочном
Бегут судейские чины
К канавам водосточным.

Поэты все благодарят
За пищу даровую,
А лейтенанты-молодцы --
Те лижут мостовую.

Да, лейтенанты-молодцы,
И даже юнкер знает,
Что каждый день таких чудес
На свете не бывает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стихотворение это появилось впервые в 1823 г. в «Западно-немецком альманахе Муз». Немецкие лейтенанты, посещавшие кондитерскую Иости в Берлине, прочли стихотворение Гейне в «Альманахе», который хозяин кондитерской выписывал для посетителей, и довольно недвусмысленно угрожали расправиться с молодым поэтом, позволившим себе такие дерзкие выпады по их адресу. Двоюродный брат Генриха Гейне, Герман Шифф, уговорил поэта переселиться на время к нему, пока гнев юнкеров остынет.

² Эуген — граф Эуген фон Бреза, товарищ студенческих лет Гейне.

АДАМ ПЕРВЫЙ

Жандармов ты послал с небес.
От ярости сгорая.
Поправ и право и закон,
Меня изгнал из рая.

И я тотчас ушел с женой,
Покинув край заветный;
Но я успел в раю одно:
Отведал плод запретный.

Назад того ты не вернешь, —
Узнал я цену богу,
И даже грозные громы
Тебя поднять не смогут.

О, боже, как не нужен твой
Consilium abeundi!
А я тебя звал в слепоте:
Великий Lumen Mundi!

Охотно я меняю рай
На вольные кочевья, —
Кому он нужен, если там
Запретные деревья?..

Свободы полной я ищу;
Малейшая преграда
Преображает всякий рай
В темницу злого ада.

А ЧАСОВНИКАВ
Библиотека
— В. А. В.
Омега К. ЯВЧИКОВА.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Consilium abeundi — университетское постановление о временном удалении студента за какой-нибудь проступок. Гейне и сам подвергся consilium abeundi в геттингенском университете на полгода (январь 1821 г.).

² Lumen Mundi — светоч мира.